

“Может быть, мы придумаем себе какую-нибудь сказку и сыграем в ней главные роли? Пусть это будет не многосерийная сказка, только одна, даже не очень длинная, но только наша, совсем неповторимая, только твоя и моя. А ведь начало уже есть... Жил да был один красивый, добрый, с ласковыми глазами, “лесной человек”. Раз он вышел из своего леса - от песен, которые ему пели птицы, чтобы послушать, как поют люди... Ты напишешь продолжение и придумаешь какой-нибудь happy end - хорошо? Пожалуйста, чтобы было весело и без разлук, ладно, милый мой? Милый мой принц...”

...Их нежная дружба тихо дремлет теперь в толстой папке с письмами, написанными на бланках телеграмм, концертных программках и случайных аптечных рецептах. Прошло много лет, но до сих пор мало кто о ней знает. Он не издает мемуары и не носит цветы на ее могилу, и не включает для гостей проигрыватель - он почему-то думает, что человек жив, пока о нем помнят.

Эта история про Анну Герман и Антса Пау.

Как они познакомились - звезда эстрады и бородастый лесник из Эстонии, ставший

ло? Я не знаю, что. И не знаю того, кто знает, что. То, что нельзя потрогать руками. Прости, ты меня гоняешь, как бильярдный шар, по столу...

...Разрешается ли судить того, кому сам Господь преподнес состояние жар-птицы?..

“3 декабря 1979, Нью-Йорк, отель “Эдисон”, 46-я стрит.

Здравствуй, Антсик. Наконец кончились концерты за океаном. Это было как тяжелый, плохой сон... Я попала к таким людям (я имею в виду театр, с которым я приехала), которые очень, очень далеко от служения искусству, а человека вообще не видят на своем пути. Абсолютно все затмевают деньги... Мне было так трудно и грустно, что я не могла даже никому написать, ведь не буду же я только жаловаться. Я спряталась, в себя ушла и только ждала конца трассы. Конечно, утешением была публика...”

- Врагов у нее не могло быть, просто она ужасно себя чувствовала, если сталкивалась с человеческим невниманием. Как-то, помню, была длинная запись в “Останкино”, и я видел, как ее сводила с ума эта телевизионная безалаберность. Она жалобно говорила: “Антсик, ну что они творят!” Это максимум, что

Анна Герман встретила своего принца в Эстонии

Знаменитая польская певица и лесник Антс поняли друг друга с первого взгляда

НОСТАЛЬГИЯ

сначала известным журналистом, а теперь - членом Государственного собрания?

Он запомнил ее еще в начале 60-х, когда она в Сопоте спела “Танцующих Эвридик”.

И следил за ней много лет, собирав вырезки, знал про катастрофу в Италии и про двух ее Збышек - маленького и большого. Он стал мастером спорта - у этого почти двухметрового роста атлета железные диски летали, как птицы, звеня аккордами “Эвридики”. Он выучился на лесничего - деревья, танцующие с ветром, пели ему “Эвридик”... Наконец он стал журналистом и в 78-м году, будучи студентом ВПШ, неожиданно прочитал в ленинградской “Смене” о ее гастролях. В интервью был абзац, который его ошарашил. Она сказала своему сыну: жди меня, Збышек, я вернусь домой и привезу тебе игрушки - трактор и танк. Он представил: АННА привозит своему мальчику танк? Нереально! Была нарушена какая-то логика. И он пошел на ее концерт, хотя достать билет было почти невозможно. И купил две открытки со знаками Зодиака, на одной написал: “Спасибо за повествование”, а другую оставил чистой. И стал ждать, точно зная, что администратор вернется, помахает открытками и спросит: чьи? Так и было. “Я вычислила твою высоту”, - не поворачиваясь, засмеялась она, когда он вошел в примерную.

Почему она из вороха записок выбрала именно его? Он, улыбаясь, говорит, что отослал ей сигнал. И что это, как в старых фильмах про две половинки, - однажды они обязательно соединятся.

“Да, наша жизнь - это одни встречи и прощания. Большинство встреч, а потом прощаний такие: мы говорим до свидания - протягиваем руку, и уходим, а в сердце тишина... С тобой было сразу иначе. Ты пожал мне на прощание руку, а я подумала тревожно - нет, нет, как же так “до свидания”... Я не хочу, пусть он побудет еще со мной, не уйдет...”

Она с ее - на зависть фотомоделям - ростом казалась красивой и сильной, а в душе была хрупкой и неуверенной. Он - атлет с фигурой Геракла - обладал сказочно мягким и добрым сердцем.

“Антсик, извини, что на такой бумаге Тебе пишу, но я сижу у нашей знакомой, зубного врача, и здесь нет лучшей бумаги.”

...А знаешь, что я заметила? У меня не было седых волос, а

сегодня я несколько увидела, когда сушила волосы. Вот - настоящая осень, что ли? И кажется, Ты главный виновник. Ведь они приходят от грустных мыслей...

Ну что же - так должно быть, наверное. Ничего не изменится. Но я все же рада, что у меня есть на свете такой друг, хоть и далеко очень. Есть, да?... Я так рада, что Тебя опять когда-нибудь увижу и обниму, и поглажу твое лицо...

Я улыбаюсь Тебе, мой милый...”

...Возвращаясь с тренировки в общежитие ВПШ, он всегда знал - есть ли от нее письмо в почтовом ящике: ящик тогда трещал, как от электрического тока.

Он сейчас живет в Йыгева - в маленьком городке в центральной Эстонии, пропавшем молодыми яблоками. Ранее, в Йыгева живет его семья, сам он, как депутат, в основном разъезжает - от гостиницы в Таллине до маленького кабинета в йыгеваской квартире. От парламентских страстей до портрета Анны - залакированного карандашного рисунка, который прислали ему неизвестные женщины из тюменской тюрьмы после одной телепередачи. Анна загадочно переглядывается с большой розовой куклой с круглыми голубыми глазами и белыми локонами.

- Это ее подарок моей дочке Ангеле. Мы пошли как-то вместе в “Детский мир”, и оба в один день купили по подарку: я - Збышку, а она -

Ангеле, они примерно одного возраста. Я купил Збышку не танк и не трактор, а медведя.

...Чем сейчас занимается маленький Збышек? И жив ли его медведь? Когда Антс привез из Москвы эту куклу, дочка Ангела отчего-то заплакала - от радости или грусти. Он написал об этом Анне - та расстроилась: “Знаешь, Антсик, я сегодня чувствую себя очень виноватой. Может быть, не надо было открывать дверь, эту маленькую деревенскую калитку нашего не понятного никому мира. Может быть, не надо было...”

На кукольном платице с веселыми земляничками, нервничая, отчаянно билась крыльями бабочка.

- Откуда она взялась? - вслух удивился Антс.

- Это Анна залетела..., - сказал он задумчиво.

- На Рождество 1979-го она приехала в Таллин. Тогда было теплое Рождество, но с глубоким снегом. Мы много бродили по Старому городу. Один раз мы гуляли - и вдруг я чувствую - она захромала. И говорит - сапоги надела и натерла ногу. И когда она взяла меня под руку - у меня такое чувство было, что я враз вырос... Знаешь, она была каким-то земным божеством... Человеку ведь так свойственно создать образ, питать его и жить с ним. Мечтать, сотворять и помнить.

...Не любовь, не дружба и не пошлый роман... Спрашиваешь - что же тогда это бы-

она могла сказать. Это для нее было пределом - после этого уже просто нужно было идти и бить кому-нибудь морду. Или кричать: “Мужики, вы что: АННА ведь перед вами!”

Я видел, с одной стороны, - величие ее, а с другой - беззащитность и беспомощность. Она была настолько нежна... Она была, как птичка, которой нужна была высота полета. И когда она чувствовала клетку - это ее убивало. Я не Илья Муромец, но мне казалось, что ее надо защитить.

“Добрый вечер, Антсик! Сегодня Збышек принес мне Твое письмо с фотографией и дубом. Какой Ты необыкновенный - спасибо Тебе. Антсик, пожалуйста, пиши мне о добрых веселых делах, я после двух тяжелых операций и теперь жду две недели или три последнюю операцию. Пока надо собрать силы. Ты меня не узнал бы - мне теперь 8 лет. Я в больнице, но тут хорошо и тихо, я одна могу думать. Писать пока не очень могу. Пиши мне Ты, хорошо?”

Я буду здорова скоро. Я это знаю. Только еще это. Пиши мне, хорошо? Пошли мне силы Твоих деревьев, чтобы перенести и это. А потом в 1982 году я буду опять петь. Помогите мне и пиши, хорошо? Верь и Ты, что я выздоровею. 20 апреля 1981 г.”

Но 26 августа 1982 года ее не стало.

В день, когда она умерла, Антс ничего не почувствовал. Он работал со своей съемочной группой - он, представляете, озаренный встречей с ней, начал снимать кино, - и вдруг коллега невзначай сказал: ТАСС сообщил, что Анны Герман больше нет. Почему он не предчувствовал момент ее ухода? Он потом часто спрашивал себя об этом. Наверное, она из деликатности не хотела своей смертью никого тревожить.

Через год после ее ухода он посадил в парке, разбитом им же самим много лет назад, дерево памяти Анны, молодой дубок, который теперь втрое выше самого Антса. И когда он приходит в этот парк и слушает разговор листьев, то думает, что это, вероятно, и есть наша судьба после того, как нас не станет.

“... Всю ночь шел дождь, и день такой же сегодня. Но мне не грустно, я знаю, что Ты меня еще не забыл, а я тоже могу отключиться и не слушать, о чем говорят люди, а быть в мыслях с Тобой...”

Галина
САПОЖНИКОВА.
(Наш соб. корр.).

Таллин.

На снимках: вверху - последний визит Анны в Таллин. Внизу - здравствующий Антс.